

Предисловие

1. О положении земли Татар, ее качестве и распределении в ней воздуха.....	3
2. О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их.....	4
3. О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде.....	6
4. О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях.....	9
5. О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей.....	11
6. О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных.....	18
7. Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.....	22
8. Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными.....	25
9. О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли.....	29

ДЖИОВАННИ ДЕЛЬ ПЛАНО КАРПИНИ. ИСТОРИЯ МОНГАЛОВ

Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами

Начинается история Монгалов, именуемых нами Татарами

Всем верным Христовому учению, до коих может дойти настоящее писание, Иоанн де Плано Карпини, брат ордена миноритов, легат апостольского Престола, посланец к Татарам и иным народам востока, [желает] милости Божией в настоящем, славы в будущем и торжествующей победы над врагами Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Кончается приветствие, начинается введение

I. Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к Татарам и к иным народам востока и знали волю [на то] Господина Папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к Татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что Татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению, или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа.

II. Поэтому всему тому, что мы пишем вам для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и четыре месяца, или пробыв в их среде, или услышав от христиан, находящихся в плену среди них и, как мы уверены, достойных доверия. Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом.

III. Но если мы, к сведению читателей, пишем нечто такое, что неизвестно в ваших странах, то вы не должны ради этого именовать лживыми нас, излагающих вам то, что мы сами видели или слышали за верное от других, кого признаем достойными доверия. Наоборот, это очень жестоко, если человека за добро, которое он делает, другие подвергают позору.

Распределение книги по главам

Итак, желая написать про деяния Татар, мы опишем их, чтобы читатели могли легче разобраться, по главам следующим образом: в первой расскажем об их земле, во второй – о людях, в третьей – об обычаях, в четвертой – о нравах, в пятой – о державе их, в шестой – о войнах, в седьмой – о странах, подчиненных ими своей власти, в восьмой – о том, как надлежит с ними встретиться на войне, в последней – о пути, который мы совершили, о дворе императора и свидетелях, которые нашли нас в стране Татар.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О положении земли Татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля Китайцев, а также Солангов, к югу земля Саррацинов, к юго-западу расположена земля Гуиров, с запада область Найманов, с севера земля Татар окружена морем океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом, редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон, но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-орде, каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростертые на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой – неглубокие.

И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, ездя кругом, пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказать о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гугенце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гугенцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гугенцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом – тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий пруттик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно,

откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О богопочитании Татар

I. Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: "Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие". После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получат единовластие, – да отвратит это Бог, – то они заставят всех

поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставке, но если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку, и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

I. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога, а Команы именуют его Кам, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

II. И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливymi, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при

посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболевает, то на ставке его выставляют копьё и его обвиняют вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию; снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землю и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое – то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

II. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копьё с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в

тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит сказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях.

§ I. О хороших нравах Татар

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади зада их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

I. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: "Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?" Мы видели также, как они ели мышей. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

II. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его, или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

I. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один Татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

II. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

III. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ I. О начале державы Татар

I. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал, то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит, четвертый – Мекрит. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

II. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они следовали за ним, как за вождем, на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с Су-Монгал, или Татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех Татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого, вместе со всеми ними, он сразился с Меркитами, страна которых была расположена возле земли Татар, и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против Мекритов и покорил их также.

III. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время, как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные земли и убивали мужчин и женщин и детей и забирали от них добычу. Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; Найманы также, как и Кара-Китаи, т.е. черные Китаи, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором Найманы и Кара-Китаи были побеждены Монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных Кара-Китаев Оккодай-кан, сын Чингис-кана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят наверное, живут лесные люди; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать сами без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из

верблюжьей шерсти, в которые одеваются, и даже ставят их против ветра, и если какие-нибудь Татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов.

IV. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против Китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же Китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжкое сражение, в каком сражении Монгалы были побеждены, и все вельможи Монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говорят: "Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа, и находятся люди, пригодные к сражению", они отвечают: "Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное". Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю.

V. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли Гуиров; эти люди – христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и Татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют Монгальскою. Двинувшись отсюда против земли Сари-Гуйюр и против земли Каранитов, и против земли Войрат, и против земли Комана, Чингис покорил войною все эти земли и вернулся затем в свою землю.

VI. И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся равным образом на войну против Китаев, и, после долгой борьбы с ними, они покорили большую часть земли Китаев, императора же их заперли в его главном городе. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило вовсе съестных припасов, и, когда у них не было вовсе что есть, Чингис-кан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти. Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после долгого сражения, не будучи вовсе в состоянии одолеть город войною, Татары сделали большую дорогу под землю от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех, в середине города сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли Китаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые, после победы над императором Китаев, вышеназванный Чингис-кан сделался императором. Все же некоторую часть земли Китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня. Китай же, о которых мы сказали выше, суть язычники, которые имеют особую грамоту, и, как говорят, у них есть Новый и Ветхий Завет; и они имеют Жития Отцов, и пустынников, и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человеческими. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с Монгалами, однако они не так широки в лице, язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

VII. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одного из своих сыновей по имени Тоссука, которого также называли кан, то есть императором, он послал с войском против Команов, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он послал с войском против Индов, и он покорил малую Индию; это черные Саррацины, которые именуются Эфиопами. Это же войско вышло на бой

против христиан, которые находятся в большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном, выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения людей, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами, и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных Татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалял людей и лошадей, и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в Татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и таким образом они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слыхали, чтобы Татары впредь к ним возвращались.

VIII. Когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам, при нашем приходе ко двору императора, говорили за верное русские клирики и другие, долго бывшие среди них, Татары нашли каких-то чудовищ, имевших женский облик. И, когда через многих толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, которые только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий. И, пока они затягивали пребывание в вышеназванной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужчины бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И, после частого повторения этого, на них образовался густой лед, затем они в сильном натиске сошлись для боя с Татарами. А те часто метали на них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие Татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов. И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: "Твой отец или брат был убит собаками", женщин же их, которых они взяли в плен, Татары отвели в свою страну, и они были там до своей смерти.

IX. И, пока то войско, именно Монгалов, возвращалось назад, оно пришло к земле Буритабет, которых они победили войною. Эти люди – язычники; они имеют удивительный, а вернее сказать, достойный сожаления обычай, так как, когда чей-нибудь отец свершает долг человеческой природы, они собирают всю родню и съедают его, как нам говорили за верное. Они не имеют волос на бороде; мало того, они носят в руках какое-то железо, как мы видели, которым постоянно выщипывают бороду, если случайно на ней вырастает какой-нибудь волосок; и они также сильно безобразны. Отсюда это войско вернулось в свою страну.

X. Чингис-кан также в то время, когда разделил те войска, пошел походом против Востока через землю Кергис, которых не одолел войною, и, как нам говорили, там же прошел до Каспийских гор; горы же эти в той стороне, к которой, они пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули к себе их стрелы и железное оружие. Люди, заключенные среди Каспийских гор, услышав, как гласит предание, крик войска, начали ломать гору, и, когда Татары возвращались туда в другое время, десять лет спустя, они нашли гору сломанною; но, когда Татары пытались подойти к людям, они отнюдь не могли этого, так как перед ними было распростерто некое облако, за которое они никоим образом не могли пройти, потому что совершенно теряли зрение, как только доходили до него; те же, полагая, наоборот, что Татары страшатся подойти к ним, сделали против них нападение, но как только они добрались до облака, то не могли пойти дальше и по вышеупомянутой причине. Но, прежде чем дойти до вышеназванных гор, они шли более месяца по обширной пустыне. Все подвигаясь оттуда к Востоку с лишком на месяц пути, они прошли по большой степи и добрались до некоей земли, где, как нам передавали за вполне достоверное, они видели наезженные дороги, но не могли найти ни одного

человека; но они так усиленно искали по земле, что нашли одного человека с его женой, которых привели пред Чингис-кана; и, когда он их спросил, где находятся люди этой страны, те ответили, что они живут в земле, под горами. А вышеназванный Чингис-кан, удержав жену, отправил этого мужчину со своими послами, поручая тем людям, чтобы они явились на его приказ. Тот, пойдя к ним, рассказал им все, что им приказал Чингис-кан. Те сказали в ответ, что в такой-то день явятся к нему для исполнения его приказа, сами же тем временем соединились потаенными путями под землю, выступили против них в бой и, внезапно бросившись на них, убили очень многих. А эти, именно Чингис-кан и его подданные, видя, что они ничего не достигают, а скорее теряют своих людей, – а к тому же они не могли вынести шума солнца; наоборот, в то время когда восходило солнце, им надлежало приложить одно ухо к земле, а верхнее крепко заткнуть, чтобы не слышать этого ужасного шума, но и так все же они не могли остеречься, чтобы из-за этого весьма многих из них не убивало, – побежали и вышли из вышеназванной страны; тех людей, однако, именно мужа с женою, они взяли с собой, и те оставались до смерти в земле Татар. На вопрос, почему люди этой земли живут под землею, те сказали, что в одно время года, когда восходит солнце, бывал столь сильный шум, что люди никоим образом не могли выдержать, как выше сказано о Татарах; мало того, они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума. И, во время возвращения Чингис-кана из той земли, у них не хватило съестных припасов, и они ощущали сильнейший голод, но им удалось тогда найти свежие внутренности одного животного; взяв их, они сварили, вынув только кал, и отнесли их к Чингис-кану; тот поел их вместе со своими, и поэтому Чингисом было установлено, чтобы не бросать ничего от зверя, ни крови, ни внутренностей, ни чего другого, что можно есть, за исключением кала.

XI. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления, которые Татары нерушимо соблюдают; из них мы упомянем только про два. Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления. Отсюда, до избрания настоящего Куйюк-кана, из-за этого был убит один из князей, внук Чингис-кана, ибо он хотел царствовать без избрания. Другое постановление – такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления: именно, они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною. Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч). Он установил, также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома.

§ II. О князьях Татар

I. А у него было четыре сына: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-кан, третьего звали Хыадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четырех лиц произошли все вожди Монгалов. Первый, именно Оккодай-кан, имел следующих сыновей: первого – Куйюка, который ныне императором, Коктена и Хиренена; имел ли он больше сыновей, мы не знаем. Сыновья же Тоссук-кана суть: Бату (Bati), он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берка, Фаут, имен других сыновей Тоссук-кана мы не знаем. Сыновья Хыадаея суть Бурин и Кадан; имена других сыновей его нам неизвестны. Имена же сыновей другого сына Чингис-кана, имени которого мы не знаем, суть следующие: один называется Менгу, мать коего Сероктан; эта госпожа пользовалась среди всех Татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу был могущественнее

всех, за исключением Бату; другой называется Бихак. У него было еще несколько сыновей, но имен их мы не знаем.

II. Имена вождей суть следующие: Орду, он был в Польше и Венгрии, Бату, Кадан, Сыбан, Бурин и Буигек, все они были в Венгрии; Хирподан, он находится до сих пор за морем, [в борьбе] против неких солдат земли Саррацинской и других, которые находятся за морем. Другие остались в своей земле, а именно: Менгу, Коктен, Хиренен, Хубилай (Hubilay), Серемум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей, который у них называется воином, Бора, Берка, Мауци, Коренца, но это самый младший среди других. Других же вождей очень много, но имен их мы не знаем.

§ III. О власти императора и его князей

I. Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов Татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран, терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

II. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, – мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: "Вы приходите от великого человека, а даете так мало?" Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия. И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: "это мое или его", но все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождями. Также и послы вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

IV. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингис-кана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов;

ибо они были Саррацины, но говорили по-Комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим, долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предалась в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар (Gazari), Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

V. Совершив это, они вступили затем в землю Турков, которые суть язычники, победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Россию. Из России же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: "Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингис-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим". И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

VII. Хирподана же в то же время послал Оккодай-кан с войском на юг против Кергис, которых он победил на войне. Эти люди – язычники, они не имеют волос на бороде; обычай их таков: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби вырезают на своем лице в знак печали как бы один ремень от одного уха до другого. Победив их, он пошел к югу против Арменов; но когда он переходил

через пустыни, то они, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать вертясь кругом, Исидор называл их Циклопедами. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них Татары убили, и, как нам говорили Русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеназванным императором, многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войною, а также часть Георгиании; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов; это же они делают и доселе. Отсюда они подвинулись к земле солдана Урумского, который был довольно велик и могуществен; с ним они также сразились и победили. И, воюя и побеждая, они прошли дальше до земли солдана Халалии (Halapiae) и теперь также занимают эту землю, а сверх того предполагают завоевать там другие земли, и впоследствии вплоть до ныне текущего дня они не возвращались в свою землю. То же войско пошло против земли калифа Балдахского, которую они также подчинили себе, и он им всякий день платит в качестве дани четыреста бизанциев помимо балдакинов и других даров; и всякий год они отправляют послов за калифом, чтобы он явился к ним. Тот посылает вместе с данью великие дары, прося, чтобы они его извинили; сам же император принимает дары и тем не менее посылает за ним, чтобы тот явился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии, в-третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (praecursores), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которую управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверх, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест; где они устроили засаду; и

если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если

те сдадутся им, то говорят: "Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю". А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили: в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.

§ I. Как они заключают мир с людьми

I. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в России, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба.

II. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем Солангов.

III. Башафов (Baschatos), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их

мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов. И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

IV. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору Татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиании. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору Татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ей. Тот же отвечал: "Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни". Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

V. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им, как они поступили с обезами, или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или бизанциев. Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китаи, Найманы, Соланги, Кара-Китаи, или черные Китаи, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр (Huuyur), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис, Касмир, Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран.

§ III. О землях, которые оказали им мужественное сопротивление

Имена земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы; именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу под

землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них.

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим подданным

В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют идти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу Татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как Татары, но приравниваются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: "Храбрость Бога, император всех людей"; и в надписании печати его стоит следующее: "Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей". И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они приготавливаются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слышано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли Руссии; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сразу после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доньше успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами тем не менее рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

I. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (dolabrum) из хорошего железа, или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся, и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжелой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

I. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один

отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устрояют, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

III. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред. Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посева, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины,

но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улечат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получают возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: "Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами".

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли

Сказав, как надлежит встретить их на войне, скажем напоследок о пути, который мы свершили, о положении земель, через которые проехали, о порядках двора императора и его князей и о свидетелях, которые нашли нас в земле Татар.

§ I. О пути, который мы совершили, и о положении земель, через которые проехали

I. Когда мы уже вознамерились, как сказано выше, отправиться к Татарам, мы прибыли к королю Богемскому. Когда мы спросили у него совета, так как этот государь был благосклонен к нам издавна, какая дорога лучше для нашего путешествия, он ответил, что, как ему казалось, лучше было бы поехать через Польшу и Руссию, ибо в Польше у него были родственники, с помощью которых мы могли бы выехать в Руссию. И, дав нам грамоту и хороших провожатых, он приказал также давать продовольствие по его землям и городам, пока мы не приедем к князю Силезии, Болеславу, его племяннику, который был нам также знаком и близок.

II. Он также дал нам свою грамоту, надежных провожатых и продовольствие по своим поместьям и городам, пока мы не приехали к князю Ланцискому, Конраду. В это время, по споспешествующей нам милости Божией, туда прибыл Господин Василько, князь Руссии, от которого мы полнее узнали о настроении Татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила. Василько сказал нам, что если мы захотим поехать к ним, то нам следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большою надоедливостью, а если их не давали, то – что вполне правдиво – посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценится ни во что. Мы же, не желая, чтобы дело Господина Папы и церкви встречало вследствие этого затруднение, приказали купить на то, что нам было дано как милостыня и для поддержания жизни, несколько шкур бобров, а также иных различных животных. Князь Конрад и княгиня Краковская, некие воины и епископ Краковский, узнав это, подарили нам также еще больше этих шкур. Также князь Конрад, сын его и Краковский епископ очень усердно просили вышеупомянутого Василько, чтобы он помог нам, насколько мог, в переезде к Татарам; он ответил им, что охотно это сделает.

III. Отсюда он повез нас в свою землю. И так как он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули, и, по нашей просьбе, приказал явиться к нам своим епископам, то мы прочли им грамоту Господина Папы, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к тому же самому, насколько могли, как князя, так епископов и всех других, которые собрались. Но, так как в то время, когда вышеупомянутый князь поехал в Польшу, его брат, князь Даниил, поехал к Бату, и его не было налицо, то они не могли дать решительный ответ, и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила.

IV. После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя. Тем не менее все же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за Литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руссии и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей Руссии была перебита Татарам или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление, а со стороны самих Русских мы были в безопасности благодаря вышеназванному служителю. Отсюда, по споспешествующей милости Божией и избавившись от врагов креста Христова, мы прибыли в Киев, который служит столицей Руссии; прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что

если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых. Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове; тем не менее все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу, чтобы дело христианства не могло испытать препятствия.

V. Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы, мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов, которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренцы, чтобы мы считались послами и чтобы явились к нему. И хотя это неправда, он делал это для того, чтобы иметь возможность извлечь от нас дары. Когда же мы добрались до него, он выказал себя очень недоступным к нам и никоим образом не хотел нас провожать, если мы не посулим ему подарков; мы же, видя, что иначе не можем подвинуться далее, посулили дать ему несколько подарков, и, хотя мы давали ему то, что нам казалось соответственным, он не хотел брать, если мы не дадим ему большего. В силу этого нам пришлось прибавить согласно с его желанием, а кое-что он утащил у нас коварно, воровски и злобно.

VI. После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четырехдесятницы, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы ответили, что мы послы Господина Папы, то они тотчас удалились, получив от нас кое-что из съестного. С наступлением утра, когда мы встали и подвинулись несколько вперед, нам выехали навстречу их старейшины, бывшие на заставе, спрашивая, зачем мы едем к ним и какое имеем поручение. Мы ответили им, что мы послы Господина Папы, который является господином и отцом христиан. Он посылает нас как к царю, так к князьям и ко всем Татарам потому, что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями Татар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы Татары были велики на небе перед Господом. Поэтому Господин Папа увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами и приняли веру Господа нашего Иисуса Христа, потому что иначе они не могут спастись. Кроме того, он поручает передать им, что удивляется такому огромному избиению людей, произведенному Татарями, и главным образом христиан, а преимущественно Венгров, Моравов и Поляков, которые подвластны ему, хотя те их ничем не обидели и не пытались обидеть. И так как Господь Бог тяжело разгневался на это, то Господин Папа увещевает их остерегаться от этого впредь и покаяться в совершенном. Еще мы сказали, что Господин Папа просил, чтобы они отписали ему, что хотят делать вперед, и каково их намерение, и чтобы о своем вышесказанном они ответили ему своей грамотой. Выслушав причины и поняв указанное выше, они сказали, что, касательно этих речей, хотят дать нам подводы и провожатых к Коренце и тотчас попросили даров, что мы и исполнили, ибо нам приходилось принуждение обращаться в желание.

VII. Итак, дав подарки и получив для подвод лошадей, с которых слезли они сами, мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце. Сами они, однако, предварительно послали к вышеназванному вождю вестника на быстром коне, чтобы передать ему те слова, которые мы им сказали. А этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов

Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своею властью шестьдесят тысяч вооруженных людей. Когда же мы добрались до него, он приказал нам поставить ставки вдали от него и послал к нам своих рабов-управителей спросить у нас, чем мы ему хотим поклониться, то есть какие хотим дать подарки. Мы ответили, что Господин Папа не послал никаких даров, так как не был уверен, что мы можем добраться до Татар. Сверх того, мы ехали по очень опасным местам из-за страха пред Литовцами, которые часто рыщут по дорогам от Польши до земли Татар и через страну которых мы проехали; но все же мы почтим его, как сможем, из того, что у нас есть по милости Божией и Господина нашего Папы. И хотя мы дали ему очень много, но ему этого показалось недостаточно, и через третьих лиц он попросил больше, обещая, что, если мы исполним его просьбу, он прикажет проводить нас с почетом; нам надлежало согласиться на это, раз мы хотели остаться в живых и привести к надлежащему осуществлению приказ Господина Папы.

VIII. Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остереглись ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя. Когда мы вошли, нам надлежало, в присутствии вождя и всех других старейшин, которые были нарочно для того приглашены, сказать, преклонив колена, то, что мы сказали выше. Мы поднесли ему также грамоту Господина Папы; но так как наш толмач, которого мы за плату взяли из Киева, не был в состоянии удовлетворительно истолковать смысл грамоты, а другого пригодного толмача не было, то поэтому они не могли уразуметь ее содержание. После этого нам дали лошадей и трех Татар, которые были десятниками, а один – человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю. А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться.

IX. В понедельник же после первого воскресенья Четырдесятницы мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели. Ехали же мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую – Днепр (Непер), возле которой, со стороны Руси, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую – Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью – Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик (Jaес), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы. Море же это есть Великое Море, из которого выходит рукав Св.Георгия, текущий в Константинополь. На Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду. Эти реки велики и преисполнены рыбами, а особенно Волга; эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим Морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки от берега. Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших Татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы.

X. Когда же мы стали добираться до Бату, то нас с удобством поместили в пределах земли Команов на одну левку расстояния от его ставок. Когда же нас должны были отвести к его двору, то нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: "Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно

приносите яд, огонь унес все зло". Мы ответили им: "Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению". И когда мы добрались до орды, то его управляющий, по имени Елдегай, спросил нас, чем мы желаем поклониться, то есть какие дары желаем дать ему. Мы ответили ему так, как раньше сказали Коренце, а именно, что Господин Папа не посылал даров, а мы желаем почтить его, как можем, из того, что по милости Божьей и Господина Папы имели на продовольствие. По вручении и принятии подарков управляющий Бату, по имени Елдегай, спросил у нас о причине нашего прибытия. Мы высказали ему те же самые причины, которые раньше сказали Коренце.

XI. Выслушав причины, нас ввели в ставку, после предварительного преклонения и выслушания напоминания о пороге, как о том сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою речь, преклонив колена; произнеся речь, мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам в день Великой Пятницы, и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письма русские и саррацинские и на письма Татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его. Наконец, нас отвели обратно к нашей ставке, но нам не дали никакой пищи, кроме как один раз, в первую ночь по приезде в чашке немного пшена.

XII. А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю Венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату. Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа. На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один Татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье, и так поступают все более важные князья Татар и даже жены их. Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень пронизателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время.

XIII. В день же Великой Субботы нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину Папе. Мы дали им для вручения ему грамоту о всех наших деяниях, но, когда они вернулись к Мауци, их там удержали до нашего возвращения. Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя Татарами, которые были приставлены к нам у Коренцы, с горькими слезами, не зная, едем ли мы на смерть или жизнь. Мы были, однако, так слабы, что с трудом могли ехать: в течение всей той Четырнадцатницы – равно как и в другие постные дни – пищей нашей служило только пшено с водою и солью, и у нас не было, что пить, кроме снега, растаявшего в котле.

XIV. С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия; за Баскартами Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана в пустынях. С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы, Хозары (Gazaros), Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахи, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков. А с запада прилегают Венгрия и Руссия. И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или

семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четырехдесятницы и кончая неделей после Пасхи. Этим Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним.

XV. После этого мы въехали в землю Кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании, мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения Господа Нашего. Эти люди были язычники, и как Команы, так и Кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотом; они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили Татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов.

XVI. Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов. Эти люди говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся Саррацинского. В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус; он был умерщвлен Татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно. А в земле этой существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах и вся земля Саррацинов; по близости их границ живут два вождя – родные братья Бурин и Кадан; с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя.

XVII. Затем мы въехали в землю черных Китаев, в которой Татары построили сызнова только один город, по имени Омыл. Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать перед нами старейшин города, а также двух своих сыновей. Выехав оттуда, мы нашли некое море, не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно. На берегу же этого моря существует некая небольшая гора, в которой, как говорят, имеется некоторое отверстие, откуда зимою выходят столь сильные бури с ветрами, что люди едва и с большою опасностью могут проходить мимо. Летом же там слышен всегда шум ветров, но, как передавали нам жители, он выходит из отверстия слегка. По берегам этого моря мы ехали довольно много дней.; это море имеет довольно много островков, и мы оставили его с левой стороны. Земля же изобилует многими реками, но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но необширные. В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также орда, или двор, его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен. Ибо у Татар существует такой обычай, что дворов князей и вельмож они не разрушают, а всегда назначают для управления ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам. После этого мы приехали к первой орде императора, в которой была одна из его жен; и так как мы еще не видали императора, то они не захотели нас пригласить и допустить к его орде, но устроили нам в нашем шатре очень хорошее, по обычаю Татар, угощение и удержали нас там на один день, чтобы дать нам возможность отдохнуть.

XVIII. Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру, мы попали в землю Найманов; они язычники. В день же апостолов Петра и Павла там выпал глубокий снег, и мы ощутили сильнейший холод. Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного. (И эти два народа не занимались

земледелием, но, подобно Татарам, жили в шатрах; Татары также их уничтожили.) Через эту страну мы ехали много дней.

XIX. Затем мы въехали в страну Монгалов, именуемых нами Татарами. Как мы полагаем, мы ехали через эту землю три недели быстрого пути, а в день блаженной Марии Магдалины приехали к Куйюку, нынешнему императору. По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим Татарам было приказано быстро отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем присутствовать. Поэтому мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва.

§ II. Об устройстве двора императора и его князей

I. Когда же мы приехали к Куйюку, то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают Татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления. Все же вышеназванный Бату вручил ему перевод грамоты Господина Папы и содержание других речей, произнесенных нами. И, когда мы простояли там пять или шесть дней, он отослал нас к своей матери, где собиралось торжественное заседание. И, когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (tabulatum), которая была разрисована разными изображениями.

II. На второй или на третий день мы поехали туда с Татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди. Каждый из них разъезжал со своими людьми кругом по холмам и по равнине. В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй – в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый – в самых лучших балдакинах. А у упомянутой ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был входить один только император, а при них не было никакой охраны, хотя они были открыты, так как через них никто не смел входить или выходить; через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали; если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника. Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду вооруженные с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчету, на двадцать марок. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

III. Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы вовсе не пили кобылье молоко, и этим они оказали нам великий почет; но все же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать. Снаружи ограды был Русский Князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более

четырёх тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз, как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне ограды, пред ним всегда пели, а также наклоняли какие-то красивые прутья, имевшие вверху багряную шерсть. Этого не делали ни перед каким другим вождем. А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда.

IV. Отправившись отсюда, мы все вместе поехали на другое место, за три или четыре левки. Там на одной прекрасной равнине, возле некоего ручья между горами, был приготовлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. Там Куйюк должен был воссесть на престол в день Успения нашей Владычицы, но из-за выпавшего града, о котором было сказано выше, это было отложено. Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани. Там пробыли мы до праздника блаженного Варфоломея, в который собралась большая толпа и стояла с лицами, обращенными к югу. Были некоторые, которые находились от других на расстоянии полета камня, и продвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колена к югу. Мы же не желали делать коленопреклонения, не зная, творят ли они заклинания или преклоняют колена перед Богом или кем другим. Это они делали долго, после чего вернулись к шатру и посадили Куйюка на императорском престоле, и вожди преклонили пред ним колена. После этого то же сделал весь народ, за исключением нас, которые не были им подчинены.

Затем они стали пить и, как это у них в обычае, пили непрерывно вплоть до вечера. После этого прибыло на повозках вареное мясо, без соли, и они давали один кусок на четверых или на пятерых. В шатре же подавали мясо и похлебку с солью вместо соуса, и так было всякий день, когда они устраивали пиршества.

V. Тут позвали нас пред лицо императора; и когда первый секретарь, Хингай, записал имена наши и тех, от кого мы были посланы, а также вождя Солангов и иных, он прокричал громким голосом, читая их перед императором и всеми вождями. После этого каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали нас касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли в дверь с восточной стороны, так как с запада не смеет входить никто, кроме одного только императора. Также поступает и каждый вождь в своем шатре; менее же важные лица не очень заботятся об этом. И это было в первый раз, что, после того как он стал императором, мы в его присутствии вошли в его ставку; он принимал там послов, но в шатер его входили весьма немногие. Там также послы принесли столь великие дары в шелках, бархатах, пурпурах, балдакинах, шелковых поясах, шитых золотом, благородных мехах и других приношениях, что было удивительно взглянуть. Был ему также поднесен там некий щиток от солнца или шатерчик, который, носят над головою императора; он был весь убран жемчугами. Там также некий начальник одной области привел ему много верблюдов с попонами из балдакина, и на них положены были седла с какими-то снарядами, внутри которых могли сидеть люди, и, как мы думаем, верблюдов было сорок или пятьдесят, а также много коней и мулов, прикрытых бляхами или вооруженных, причем у некоторых бляхи были из кожи, а у некоторых из железа. И нас также спросили, желаем ли мы дать дары; но мы уже почти все потратили, почему у нас ничего не было, что ему дать. Там же, на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были разделены между императором и вождями; и отдельные вожди распределили свои части между своими людьми, однако так, как им было угодно.

VI. Удалившись оттуда, мы прибыли к другому месту, где был раскинут изумительный шатер, весь из пламенно-красного пурпура, который подарили Китаю. Туда нас ввели также внутрь. И всегда, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино, предлагали также вареного мяса, если мы желали получить его. Был также воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора. Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого сидалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их. И каждый день госпожи собирались в огромном количестве. Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Там они разделились, и мать императора пошла в одну сторону, а император в другую, для производства суда. Была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время, когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось вспять войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты.

VII. В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руси, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

VIII. После смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши Татары отвели нас к императору. И когда император услышал от наших Татар, что мы пришли к нему, то велел нам вернуться к матери ради того, что на следующий день он хотел поднять знамя против всей земли Запада, как нам говорили за верное знавшие про то, и как о том сказано выше; именно он хотел, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней и снова вернулись к нему; вместе с ним мы пробыли благополучно месяц, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, так как рынок был очень далеко. И, если бы Господь не предуготовал нам некоего Русского по имени Косму, бывшего золотых дел мастером у императора и очень им любимого, который оказал нам кое в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого. Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престоле, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И также много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих Русских и Венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание.

IX. После этого император послал к нам сказать, через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали, написав ему все слова, сказанные раньше у Бату, как сказано

выше. И по прошествии нескольких дней он приказал снова позвать нас и сказал нам через Кадана, управителя всей державы, в присутствии первых секретарей Бала и Хингая и многих других писцов, чтобы мы сказали все слова; мы исполнили это добровольно и охотно. Толмачом же нашим был как этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава, в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором. И он спросил нас в то время, есть ли у Господина Папы лица, понимавшие грамоту Русских или Саррацинов, или также Татар. Мы ответили, что не знаем ни русской, ни татарской, ни саррацинской грамоты, но Саррацины все же есть в стране, хотя и живут далеко от Господина Папы. Все же мы высказали то, что нам казалось полезным, а именно, чтобы они написали по-татарски и перевели нам, а мы напишем это тщательно на своем языке и отвезем как грамоту, так и перевод Господину Папе. И тогда они удалились от нас к императору.

X. В день же блаженного Мартина нас позвали вторично, и к нам пришли Кадак, Хингай, Бала и многие вышеупомянутые писцы и истолковали нам грамоту от слова до слова. А когда мы написали ее по-латыни, они заставляли переводить себе отдельными предложениями (*orationes*), желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове. Когда же обе грамоты были написаны, они заставили нас читать раз и два, чтобы у нас случайно не было чего-нибудь меньше, и сказали нам: "Смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего, если должны поехать в такие отдаленные области". И когда мы ответили: "Понимаем все хорошо", они переписали грамоту по-саррацински, чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа.

XI. У Татарского императора в обычае, что он никогда не говорит с иностранцем собственными устами, как бы тот ни был велик, но слушает и отвечает чрез посредствующее лицо, как было сказано. Всякий же раз, однако, когда они излагают дело пред Кадаком или выслушивают ответ императора, те, кто ему подчинен, стоят, преклонив колена, до конца речи, как бы они ни были велики. Не может быть, да и нет обычая, чтобы кто-нибудь говорил что-нибудь о каком-нибудь деле после того, как оно решено императором. А вышеупомянутый император как имеет управляющего, первых секретарей и писцов, так имеет в делах как общественных, так и частных всяких чиновников, за исключением стряпчих, потому что все делается без шума судебных разбирательств по воле императора. И другие князья Татар поступают так же в том, что к ним относится.

XII. А этот император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок, как нам говорили христиане, неотлучно с ним пребывавшие. Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также пред большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа Татар или также других людей; другие вожди этого не делают.

XIII. Император, как сказали нам наши Татары, имел намерение отправить с нами своих послов, которые должны были поехать с нами. Все-таки, как мы полагаем, он хотел, чтобы мы этого у него попросили, потому что один из наших Татар, который был постарше, внушал нам, чтобы мы просили этого. Но, так как нам далеко не казалось удобным, чтобы они отправились, мы ответили, что не наше дело просить, но если сам император пошлет их по своей воле, и мы проводим их с помощью Божией в безопасности. Нам же по многим причинам представлялось неудобным прибытие их.

Первая – та, что мы опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас.

Вторая причина была та, что мы питали страх, не оказались бы они лазутчиками в нашей земле.

Третья причина была та, что мы боялись, что их убьют, так как наши народы в значительной степени надменны и горды: когда служители, которые были с нами, по просьбе Кардинала, легата Алемании, пошли к нему в татарском платье, то по дороге они чуть не были убиты Тевтонами и были вынуждены снять это платье, ибо у Татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отомстить им.

Четвертая причина состоит в том, что мы страшились, что их отнимут у нас силою, как это однажды случилось с одним князем Саррацинов, который все еще находится в плену, если не умер.

Пятая причина та, что от их приезда не было никакой пользы, так как у них не было никакого другого поручения или власти, как только передать грамоту императора Господину Папе и другим князьям, а грамота эта была у нас; и мы считали злом то, что может отсюда выйти. Поэтому нам не нравилось, чтобы они ехали. На третий день после этого, именно в праздник блаженного Бриция, нам дали отпуск и грамоту, запечатанную печатью императора, и послали нас к матери императора; она дала каждому из нас лисью шубу, шерстью наружу и изнутри подбитую ватой, а также пурпур; из него наши Татары украли пядень от каждого куска, а от того, что дали служителю, украли добрую половину. Это от нас не укрылось, но мы не пожелали вступать в пререкания по такому поводу.

§ III. О пути, который мы совершили при возвращении

I. Тогда мы направились в обратный путь и проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было деревьев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою. И часто, когда ветер гнал снег, мы оказывались совершенно покрытыми им. И таким образом к Вознесению Господню приехали мы к Бату, у которого спросили, что ответить Господину Папе. Он ответил, что не желает ничего поручать, кроме того, что написал император; все же он прибавил, чтобы мы тщательно передали Господину Папе и другим владыкам о том, что написал император. И, получив проезжую грамоту, мы удалились от него и добрались до Мауци в субботу после Троицыной недели; там были наши товарищи и служители, которые были задержаны; мы заставили привести их к себе обратно. И оттуда мы поехали к Коренце, который также снова попросил у нас даров, а мы не дали, потому что у нас не было; он дал нам двух Команов, бывших из числа Татар, до Русского города Киева. Однако наш Татарин не покинул нас, пока мы не выехали с последней заставы Татар. Те же, другие, приставленные к нам Коренцей, в шесть дней довели нас от последней заставы до Киева.

II. Приехали же мы туда за пятнадцать дней до праздника блаженного Иоанна Крестителя. Киевляне же, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали от мертвых; так принимали нас по всей Руси, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к Татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей, и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов.

§ IV. О свидетелях, которые нашли нас в земле Татар

I. И, чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле Татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел. Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи

ставок Картана, женатого на сестре Бату; у Коренцы мы нашли Киевского сотника Монгрота и его товарищей, которые провожали нас на некоторую часть дороги; а к Бату они прибыли раньше нас. У Бату мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из Руси, по имени Сангора; он родом Коман, но теперь христианин, как и другой Русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской. У императора Татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачом у Куйюк-кана, то есть императора Татар, как по переводу грамоты императора к Господину Папе, так и при произнесении речей и ответе на них; там был также Дубарлай, клирик вышеупомянутого князя, и служители его Яков, Михаил и другой Яков. При возвращении в землю Бесерминов, в городе Лемфинк, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава и Бату, ехал к вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всех его товарищей. Все они вернулись в землю Суздальскую в Руси; у них можно будет, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князь Ярослав и его товарищи, а также некто из Руси по имени Святополк (Santorolicus) и его товарищи. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руси. И все это Русские князья.

II. Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провожатых и коней до первой Татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провожатыми из Татар и их конями, которые к нам возвращались, и все Русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат Бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю Татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда, к Татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю Татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли Татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть: Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще и много других, но имена их нам неизвестны.

[Заключение для всей книги]

Просим всех, кто читает вышесказанное, чтобы они ничего не изменяли и не прибавляли, так как мы, в предшествии истины, написали все, что видели или слышали от других, кого считали достойными доверия, ничего не прибавляя с умыслом, чему Бог свидетель. Но так как те, через землю которых мы проезжали, живущие в Польше, Богемии, Тевтонии, Леодии и Кампании, имели желание прочитать написанную историю, то они списали ее раньше, чем она была закончена и вполне выправлена, потому что у нас еще не было времени, чтобы иметь возможность вполне закончить ее на досуге. Отсюда да не удивляется никто, что она гораздо подробнее и лучше исправлена, чем та, потому что эту, получив малейшую возможность досуга, мы вполне исправили и завершили то, что еще не было выполнено.

Закончена история Монгалов, именуемых нами Татарами.

Выверено по изданию: Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И.Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
